

Чжан Шу бросил Ван Чанфа и направился к Чжу Дабао. Тот опешил и попытался убежать, но не мог сравниться в скорости с Чжан Шу: тот быстро настиг его, пнул ногой, и история с Ван Чанфа повторилась.

Ван Чанфа лежал на земле, с трудом переводя дух. Его охватил страх, в глазах читался ужас. Если бы не Чжу Дабао, он не сомневался, что Чжан Шу мог бы его убить. Эти безжизненные глаза, наверняка, станут его ночным кошмаром.

Чжу Дабао тоже перепугался, да так, что описался. Обычно, когда он обижал других, он был важен и нагл, а сейчас его охватило отчаяние — он, казалось, сейчас умрет здесь!

В голове у Чжан Шу стоял туман, осталась лишь одна мысль: убить их, убить всех, кто его обижал!

— Что вы делаете? Брат Шу, что с тобой? — раздался испуганный вскрик. Ли Муцзинь еще на склоне увидел, как Чжан Шу идет, и застенчиво вернулся домой, ожидая, что брат Шу придет за ним.

Но он ждал и ждал, а его всё не было. Тогда он вышел из дома искать. Звуки из бамбуковой рощи привлекли его внимание, сердце екнуло — он подумал, что Чжан Шу снова кого-то обижают.

Он поспешил туда и, подбежав, увидел, что местный забияка Ван Чанфа лежит на земле, весь в крови, а его брат Шу сидит на верху на Чжу Дабао и колотит его.

— Брат Шу, не бей! Еще немного — и он умрет! — Ли Муцзинь был в панике, но Чжан Шу словно не слышал его голоса, совершенно не реагируя.

Не зная, что делать, он бросился на Чжан Шу, обнял его и прижал его кулак к своей груди:

— Брат Шу, перестань! Убить человека — это тюрьма, это смертная казнь! — Он заплакал от страха: сегодня Чжан Шу выглядел ужасно.

Чжан Шу собирался дать урок тому, кто ему мешал, но его плач показался таким знакомым, что рука не поднялась. Он остановился и посмотрел на Ли Муцзиня.

Ли Муцзинь, всхлипывая, стащил его на землю, а затем крикнул двум другим:

— Убирайтесь! Катитесь отсюда! Ждете, что брат Шу вас убьет?

Двое лежащих на земле словно очнулись от сна, мигом вскочили и пустились наутек.

Грудь Чжан Шу тяжело вздымалась. Ли Муцзинь рыдал, прижавшись к нему. Хотя Чжан Шу в драке выглядел страшно, в сердце Ли Муцзиня он знал: брат Шу никогда не причинит ему вреда.

Прошло некоторое время, Чжан Шу поднял руку и погладил Ли Муцзиня по голове:

— Маленький Муцзинь, что же делать? Яйцо, которое я хотел тебе дать, они раздавили. В его голосе слышалась беспомощность, словно случилось какое-то невероятное несчастье.

Ли Муцзинь сквозь слезы ответил:

— Нич... ничего, брат Шу. Я... я не люблю... яйца.

Чжан Шу прижал его к себе:

— Если кто-нибудь еще посмеет обидеть меня или тебя, я сделаю с ними то же самое, что сегодня.

Ли Муцзинь опять разрыдался:

— Можно просто побить... но не убивать. Убьют — посадят в тюрьму, а я не хочу, чтобы ты сидел!

У Чжан Шу защипало глаза, он моргнул, прогоняя слезы:

— Хорошо, я не убью их!

Он пробормотал себе под нос:

— И я больше не боюсь их, никогда!

— Ай... — Чжан Шу дернулся, пытаясь увернуться от рук Ли Муцзиня, который мазал рану лекарством. Жгло страшно!

— Брат Шу! — Ли Муцзинь строго окликнул его, но руки его были осторожны, он бережно обрабатывал раны. Самое серьезное увечье было на голове, куда ударил камень, затем — рука, которую придавили к земле: в рану набился песок, и понадобилось много времени, чтобы вычистить всё.

Чжан Шу смотрел на Ли Муцзиня, и в его глазах была нежность. Он не понимал, почему маленький Муцзинь относится к нему с такой теплотой, но думал так: даже у крысы в канаве найдется товарищ. Хотя маленький Муцзинь и не был крысой, он был самым лучшим человеком на свете.

Ему перевязали голову и руку, выглядело это серьезно, но сам он чувствовал себя сносно. Лучше получить увечье с достоинством, чем терпеть унижение и побои. Конечно, лучше бы вообще не раниться, ай...

Вскоре издалека, из дома, послышались крики — видимо, отец Ли Муцзиня звал его домой. Ли Муцзинь громко отозвался, затем еще раз наказал Чжан Шу беречь рану от воды и держаться подальше от тех людей, после чего поспешно ушел.

Чжан Шу проводил его взглядом, вздохнул и тоже пошел домой.

Еще не дойдя до ворот, он услышал во дворе веселый смех — наверное, вернулась семья дяди.

Каждый год во время жатвы дядя брал всех своих и ехал помогать теще с уборкой, жил там три-пять дней, а потом возвращался.

Вся работа на своем поле лежала на плечах дедушки и бабушки Чжан Шу. Дядя считал, что основную землю они все равно сдают в аренду, а тот клочок, что оставили себе, не требует того, чтобы вся семья оставалась дома для уборки, поэтому он ни разу не остался.

Чжан Шу толкнул калитку, настроение было сложным. Он молча вошел во двор, хотел незаметно прослизнуть в свою комнату, но тетя тут же заметила его и громко ахнула:

— Ой, Ашу, что с тобой стряслось? Кто тебе голову проломил?

Все взгляды устремились на Чжан Шу, он замер как вкопанный.

Дядя быстро подошел к нему:

— Ведь говорил я тебе, не лезь на рожон, теперь вот, добро пожаловать. Сколько денег на тебя ушло, даже не сосчитать.

Раньше он всегда считал, что дядя заботится о нем, а этот тон «железа, что не стало» — для его же блага. С детства дядя учил его: не ищешь беды, не лезешь к людям — и тебя не тронут, а если тебя тронули, значит, сам виноват.

Но он забывал, как дядя учил своих детей:

— Ты мужик, тебя бьют — а ты не бьешься в ответ? Ни капли крови нет, и о каком мужике идет речь?

— Ага, вот теперь опять бабушка с дедом за тебя переживут, ведь я говорил тебе, из дома не выходить! — Чжан Хуай был моложе его на два года, ему сейчас всего шестнадцать, но в разговоре с Чжан Шу он всегда использовал поучительный тон.

— Ну так, кто это был? Сейчас я пойду, за тебя заступлюсь. — Чжан Хуай принял важный вид и с легкой самодовольной улыбкой посмотрел на Чжан Шу, явно ожидая благодарности.

Будь он прежним Чжан Шу, как бы он мог не быть благодарным? Он бы глупо улыбнулся и сказал:

— Спасибо, второй брат. А затем с чувством глубокой признательности выгреб бы свои сбережения, чтобы угостить его друзей, которые помогут.

Если бы он случайно не узнал, что этот его «хороший второй брат» вообще-то дружит с Ван Чанфа и компанией, он, возможно, до сих пор смотрел бы на него смесью ненависти и благодарности.

— Не надо, я сам с ними разобрался, — мрачно произнес Чжан Шу, не отводя глубокого взгляда от Чжан Хуая, пытаясь найти в его глазах хоть тень раскаяния.

Но не нашел. Чжан Хуай лишь на мгновение замер, а потом улыбнулся:

— Брат, ты стал силен! Ну и отлично, в следующий раз, если они снова станут бесчинствовать, я позову тебе на помощь.

Тетя, услышав это, забеспокоилась:

— Ашу, не бравируй, как ты можешь с ними справиться? Ты парень спокойный, не из дерущихся. Это дело лучше оставить Ахуаю, он же младший брат, пусть и помогает.

Чжан Хуай тут же подхватил:

— Мама, да ты что, несправедлива!

— А как же? Его старшему брату рано родители умерли, бедняжка. Я его люблю и жалею даже больше, чем своих собственных! — Тетя улыбалась, глядя на Чжан Шу, и глаза её светились любовью.

В обычное время Чжан Шу давно бы считал её родной матерью. Но какая же мать будет день за днем напоминать о детском горе, болтая о нем налево и направо?

Чжан Шу сказал:

— Спасибо, тетя. Мне немного больно, я пойду, полежу. Он опустил голову и направился в свою комнату.

Тетя за его спиной усмехнулась. Вот ведь, всё тот же забитый вид, что изменилось? Когда вернулись, все говорили, что он будто бы изменился, а теперь глядишь — это, наверное, бабка его просто хвалит напрасно.

Чжан Хуай был озадачен. Он сказал, что сам с ними разобрался? Надо будет сходить к Ван Чанфа, проверить.

<http://bllate.org/book/16721/1537246>